Валерий Юрьевич МЕРИНОВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ КАК ЖЕРТВА: ДИСКУРСЫ ЛЕГИТИМАЦИИ НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье рассмотрены отдельные аспекты дискурсов легитимации насилия в современной российской историософской публицистике. Отмечено, что историософская публицистика, будучи частью общественно-политического спектра публицистики, является не только носительницей исторического знания. Исторический подход в значительной степени корректируется ценностно-политическими установками авторов. В российской истории есть несколько значимых и знаковых фигур, оценка которых важна для формирования исторического и политического типов памяти, национальной идентичности. Одной из таких личностей является царь Иван IV (Грозный). В российской публицистике т.н. «патриотического» направления, в частности в творчестве В. Аверьянова, развернута целая система дискурсов, легитимизирующих массовый террор и нормализующих репрессивные социальные практики. В данном контексте кратко рассмотрены два дискурса легитимации: гуманистический (попытки представить царя гуманным человеком) и жертвенный, в рамках которого Грозный описывается как жертва наветов и козней современников и потомков. Жертвенный дискурс включает в себя локальные дискурсы их дискредитации.

Ключевые слова: *Иван Грозный, дискурс, современная российская публицистика, авторитаризм, дискурсы легитимации насилия.*

Valery Yu. MERINOV

IVAN THE TERRIBLE AS A VICTIM: DISCOURSES OF THE LEGITIMATION OF VIOLENCE IN MODERN RUSSIAN HISTORIOSOPHICAL PUBLICISM

The article examines certain aspects of the discourses of legitimizing violence in modern Russian historiosophical journalism. It is noted that historiosophical journalism, being part of the socio-political spectrum of journalism, is not only the carrier of historical knowledge. The historical approach is largely corrected by the value-political attitudes of the author. There are several significant and iconic figures in Russian history, the assessment of which is important for the formation of historical and political types of memory, national identity. One of such personalities is Tsar Ivan IV (the Terrible). In Russian journalism, the so-called, of the "patriotic" direction, in particular, in the work of V. Averyanov, a whole system of discourses has been developed that legitimizes mass terror and normalizes repressive social practices. In this context, two discourses of legitimation are briefly examined: humanistic (attempts to present the tsar as a humane person) and sacrificial, in which Grozny is described as a victim of slander and intrigues of contemporaries and descendants. Sacrificial discourse includes local discourses of discrediting them.

Key words: *Ivan the Terrible, discours, contemporary Russian journalism, authoritarianism, discourses of legitimizing violence.*

Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его История всегда полезна, для Государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели… Могилы бесчувственны; но живые страшатся вечного проклятия в Истории, которая, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои исступления.

(Н.М. Карамзин. История государства Российского)

В отечественной историографии и общественно-политической публицистике отношение к роли и месту Ивана IV (Грозного) в истории России неоднозначно. Более того, как писал С.Б. Веселовский, «В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы большие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича…» (Веселовский, 1963: 35). Действительно, яркая, колоритная фигура талантливейшего писателя, царя-реформатора и воина, его государственная деятельность (фактическое завершение дела своих предков – деда Ивана III и отца Василия III – создание централизованного государства; колонизация восточных земель), проводимая крайне жестокими, затратными методами, предоставляет уникальные возможности историкам и тем более публицистам исторического направления выделять те или иные особенности, согласуясь с собственной системой ценностей и политической картиной мира. Даже т.н. «сбалансированная» позиция, учитывающая «плохое и хорошее», также, по нашему мнению, является результатом ценностного выбора. Отчасти мы согласны с профессиональными историками, что нехорошо «… упрощать ту эпоху, лепить из нее лозунг, вымазывать одним белейшим белым или одним чернейшим черным» (Володихин, 2017). Однако есть в российской истории эпохи, значение которых выходит далеко за их пределы, эти эпохи получают в общественной мысли определения «знаковых», «определяющих», «судьбоносных». Здесь т.н. «объективный подход», включающий рассуждения в духе «да, имярек, конечно, убил энное количество людей, но зато построил сто заводов…», не то чтобы совсем не годен, но, на наш взгляд, показывает определенную свою ограниченность. Думается, нужно принимать во внимание то, что интеллигенция (в том числе научная) активно участвует в формировании исторической и политической памяти, а также национальной идентичности, что налагает большую ответственность за

расставляемые ценностные акценты и право выносить политические и нравственные уроки из прошлых эпох. Тем более это относится к общественно-политической публицистике исторического характера, в которой ценностная составляющая является определяющей, когда при осмыслении той или иной персоны на первое место выходит идеология, или, если хотите, политическая мифология. Исторические личности, оставшись в своём историческом прошлом, в мире, «где всё разъято, смешано, разбито // где вместо неба – лишь могильный холм», конечно, продолжают свое существование как некие зеркала, универсальные эмблемы, ценностные модели, сквозь которые уже современное общество всматривается в самое себя. Как писал Н.М. Карамзин: «сии ужасные метеоры, сии блудящие огни страстей необузданных озаряют для нас, в пространстве веков» (Карамзин http). И в этом случае четкая нравственная позиция, осуждающая, к примеру, деспотический политический режим и беззаконие власти, протягивающая, хоть и через века, руку поддержки его беззащитным, истерзанным жертвам, является вовсе не «интеллектуальным преступлением» (Володихин, 2017), а демонстрацией применения к предмету исследования современных критериев, основанных на четком гуманистическом и правовом фундаменте. Ущерба исторической памяти в этом случае не будет никакого.

Определенно, на позиции авторов не в последнюю очередь влияет нравственно-политический климат эпохи, в которой они «живут и умирают» и выносят свои вердикты. Так, во времена, как сказал бы М.А. Булгаков, «вегетарианские», хоть и относительного, но политического благодушия и даже либерализма, когда наступает общее смягчение нравов, повышается цена человеческой жизни, в Иване Грозном, несмотря на определенные государственные достижения, в первую очередь подмечаются вполне себе людоедские наклонности и кровожадность; для историков и публицистов становится «важнее отрицательное значение этого царствования» (Ключевский 1989: 106). Так, в XIX столетии выдающиеся русские историки отмечали черты характера царя, сформированные «борьбой» за свои привилегии, попираемые в детстве, и ставшие, в общей атмосфере презрения к человеческому достоинству и самой жизни, неким пунктом, точкой болезненной патологической сосредоточенности, концентрации на собственной власти и, одновременно, на «бесправии врагов» (Соловьев 1989: 414). Когда весь процесс образования (чтение, поиск нужного, запоминание) будущего властителя проходит только с одной целью – найти и оправдать собственную претензию на власть абсолютную, царскую, в религиозном «библейском смысле, как помазанника божия» (Ключевский 1989: 104), то есть фигуру, равную своими полномочиями грозному ветхозаветному богу. Поэтому злопамятную, «себялюбивую,

мнительную» личность царя предлагалось рассматривать как объект «психиатрических» практик исследования (Ключевский 1989: 106). Н.М. Карамзин, которого, вместе с А.М. Курбским, можно считать автором концепции «двух Иванов» (времен т.н. «Избранной рады» и опричнины), определил результаты царствования грозного царя как сопоставимые с величайшимb бедствиямb в истории России: «Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверх бедствий Удельной системы, сверх ига Моголов, Россия должна была испытать и грозу самодержца-мучителя… …. если иго Батыево унизило дух Россиян, то без сомнения не возвысило его и царствование Иоанново», и на этом основании «оправдан быть не может»(Карамзин, http).

Другие времена, другие нравы. В эпохи нарастания или полной победы авторитарных политических тенденций в нашем отечестве, пыльный, в иссохшей крови своих жертв, царский кафтан вытаскивается из чулана истории, отряхивается и выставляется как бесценная реликвия для поклонения любителей тирании всех мастей. Классический тому пример – восстановление «доброго имени» августейшего палача во времена правления его криминального двойника И. Сталина. Тогда давно развенчанный Грозный предстал как «нерешительный», слишком много кающийся и молящийся, допускающий ошибки («… не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени»), но тем не менее «великий и мудрый правитель…», что «… стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния» (Сталин, http).

Наша современность предоставила Грозному еще один шанс триумфально вернуться на подмостки исторической сцены, так как «”Нулевые” и особенно 2010-х гг. принесли в общественную мысль России явственный поворот к государственничеству и патриотизму» (Володихин 2017). Личность и государственная деятельность Ивана Грозного вновь стали объектом пристального анализа и оценок профессиональных историков, а также видных публицистов, пишущих в том числе на исторические темы (А.И. Фурсов, В. Аверьянов и др.). Более того, сегодня последний царь из рода Рюриковичей становится важной, если не ключевой, фигурой в конструировании политической памяти, выстраивании национальной идентичности. В историософских рассуждениях грозный царь получает свое «законное» место не только в прошлом, но в настоящем и будущем России. А в текстах складывается вполне законченный портрет исторического деятеля и человека.

Фигура Грозного становится важным источником авторитарного дискурса, основными задачами которого являются легитимация авторитарно-деспотической политической власти, нормализация и рационализация репрессивных социальных практик и социального

неравенства. Он используется как инструмент «снятия» нравственных, правовых и политических вопросов, неизбежно возникающих при изучении деятельности Грозного.

Дискурс гуманности

Один из элементов этой стратегии – представить Грозного едва ли не гуманистом. Задача, надо сказать, не из легких. Один из приемов, который мы условно назвали приемом «остранения», состоит в поиске надежных очевидцев человечности царя. Так, в свидетели берутся лица, если можно так выразиться, «незаинтересованные». Лучше всего на эту роль подходят современники-иностранцы. Иностранец в подобных текстах фигура знаковая. В какой-то степени с ним связан эффект «остранения», описанный В.Б. Шкловским как литературный прием введения в текст независимого наблюдателя. С другой стороны, самим фактом рождения на Западе ему предназначено быть «русофобом», «клеветником» и «ненавистником России». По этим причинам его слова одобрения «гуманности» человека, создавшего «альтернативную Западу цивилизацию», приобретают дополнительный вес, получают качества истинности: «По свидетельствам иностранцев, царь был «гуманным правителем» (купцы из Любека), «праведным судией» называет его посол Липпомано в 1575 г., то есть уже во время так называемой «второй опричнины»» (здесь и далее цит. по: (Аверьянов 2014)).

«Гуманизм» Грозного становится очевиден в отношении «провинившихся» бояр и князей, когда царь «терпеливо ожидал исправления «крамольников». Бояре «… были прощены не один, а два или три раза, прежде чем их казнили… Большинство казненных опричниками бояр уже бывали прощены по тем или иным существенным обвинениям». При этом доказательств «вины» не приводится, также не рассматриваются вопросы установления истины, судебного разбирательства. То есть точка зрения автора целиком соответствует стороне, устанавливающей вину (предварительное следствие), выносящей приговор (суд) и исполняющей его (система исполнения наказаний). Добавляется риторика вынужденности мер, сложности и «неоднозначности» ситуации («картина далека от однозначности») переключающая внимание от фактов убийства к мотивам действий Грозного.

Другой прием – оживление личности путем придания ей объемности. На фоне плоских, стертых, однообразных фигур своих соратников, противников и жертв, выписанных бегло, лишь одной краской, проходящих по своей эпохе как тени, личность Грозного получается разнообразной, яркой, неожиданной, объемной. Он не только политический деятель, воин, но и глубокая, восприимчивая, тонкая натура, способная страдать, метаться в поисках, каяться: «… он использовал свои знания как оружие в мистической войне, жил

полнокровной духовной жизнью, страдал, каялся, сокрушался о собственных грехах и грехах своих противников, искренне переживал за опальных и казнимых» (используется цитата из книги «Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного» И. Курукина и А. Булычева). Другой историк «Юрганов рисует образ Иоанна как человека с напряженнейшим переживанием эсхатологии, ожидающим скорого конца света. Сами казни, по Юрганову, дифференцируются по тому, как судия оценивал грехи и пороки преступника». В данном случае известный историк А.Л. Юрганов, подобно иностранцам, играет роль «остраненного» свидетеля, более того, даже негативно настроенного по отношению к царю, автора, полагающего что царь взял «… в заложники своего мифа всю страну» и обладающего «слишком профаническим мировоззрением, далеким от аутентичного православия и комплекса представлений XVI века». В этом контексте позиция исследователя приобретает особый вес, потому как он вынужден признать некоторые качества, преодолевая собственную позицию.

Кроме того, большая «гуманность» Грозного проявляется на фоне преступлений его эпохи. В данном случае используется прием снятия ответственности за преступления путем сравнения с «более кровавыми» современниками. Среди таковых ищутся западные правители. Самым распространенным примером является Варфоломеевская ночь и кровавая фигура Карла IX. При таком сопоставлении, естественно, в пользу царя Ивана, нравственные вопросы должны, по-видимому, отпасть сами собою. Вывод таков: Грозный убивает намного меньше, чем западные короли – каков с него спрос? Тем более что, по мнению критиков русского самодержца, именно Запад является образцом для подражания. Между тем разница в подходах к преступным актам абсолютно диаметральна. В отношении, пожалуй, самого громкого преступления позднего Средневековья – очевидна. Во-первых, никому в голову не придет отрицать сам факт парижской резни, обвинять жертв в провокациях, отступничестве, антигосударственной деятельности и т.п., а во-вторых, ни один историк не станет оправдывать массовое убийство беззащитных людей великими замыслами правителя, государственными задачами и т.п.

Жертвенный дискурс

Давно известно, что наиболее верный прием обелить палача – это представить его самого жертвой, объектом травли, заговоров, лживых инсинуаций и т.п. В случае с Грозным дискурс дискредитации распространяется на всех его противников без исключения. Первыми в этом ряду выступают прямые жертвы насилия и угроз, обвиненные во всех смертных грехах.

Передовая линия – дискредитация элиты (казненных князей и

бояр). Здесь выработано несколько стратегий. Первая, выражаясь языком К. Маркса, формационная. Согласно этой логике, князья и бояре являются едва ли не отжившим классом, ведь Грозный строит новое, самое перспективное и отвечающее внутренним национальным потребностям «опричное» или «служивое» государство, где все «равны» перед единым судьей. Лишние бугры намечаемого плоского политического ландшафта, с башней до небес посредине, должны выравниваться. Именно по этой причине их уничтожение – не более чем ступень к созданию царства авторитарной утопии. Своеобразная классовая риторика обращена к читателю, исповедующему крайне радикальную левопопулистскую идеологию – построения государства без элитарных слоев, государства, где все равны перед вождем, ориентированного на времена Сталина. В русле этой же логики определяются и всероссийские Смуты (первый период) как времена ослабления центральной власти на фоне всевластия бояр-хищников, выстраивающих свой «олигархический» мир. В этом мире хорошо только им. Остальные, включая Грозного (в детстве), страдают, нищают, подвергаются унижениям и т.п.

Доказательством верности выбранного курса является упорное нежелание бояр подчиниться, раскаяться в содеянных преступлениях. Это вторая стратегия. Так, бояре объявляются «рецидивистами», оппозиционерами, действующими нелегальными, подлыми методами, «заговорщиками» («… оппозиция опричнине была скрытой, заговорщической по самой природе тогдашних государственных отношений»), упорствующими в грехе, не ценящими акты царской милости (ведь они «…были прощены не один, а два или три раза»), то есть добра не помнящими, нравственно неисправимыми.

Аморальность недругов Грозного определяется как абсолютная с обнаружением их связи с иноземными врагами Отечества («некоторые из бежавших или списывавшихся с Литвой»). Так поведение беглецов осмысливается в рамках дискурса предательства («государственной измены»), в котором ставкой является самое святое – целостность, свобода, вера и само существование Родины, а Грозный, таким образом, маркируется как её главный защитник, обладатель высоких нравственных качеств. В качестве причин, заставивших людей, принадлежавших к верхушке общества, бросить «отеческие гробы» и «родные пепелища», называются «идеологическое несогласие с курсом царя», нежелание «служить» и поступиться привилегиями, а отнюдь не массовые убийства, террор и политика запугивания.

В данном дискурсе лексема «бояре» предполагает «антигосударственное» наполнение (как социальный слой, ориентированный на частнособственнические интересы). Её современным инвариантом (вместе с другими линиями преемственности: правителей, предателей, писателей и т.д.) становится

лексема «квазибояре». Эта «партия» подается как враждебная и царю, и народу, и государству в целом. И сегодня она «не намерена» «сберегать и преумножать народ», в действительности она продолжает давнюю «Игру в неофеодальную олигархическую «удельность», то есть сговор частей и меньшинств против самой возможности предъявления целей целого, национальных интересов большинства», «бесконечную имитацию созидательного и производительного начала». Эта «партия агрессивных квазибояр тайно кровожадна» и ответственна за коррупцию и хаос. Вероятно, поэтому голос современных «квазибояр» хорошо слышен в хоре ненавистников России, критиков венценосного правителя. Его великий «замысел» - концепция «самодержавия как имперского центра в символическом и административном смысле», и идея «государственного служения сверху донизу» становится «источником ненависти и страха русофобов. Сегодня глухая и глумливая критика опричнины политически весьма актуальна». Именно «олигархо-бюрократическая верхушка» пытается инкриминировать царю-гуманисту и народолюбцу «политический экстремизм». «Главный смысл критики и царя, и опричнины» высокопоставленных «крамольников» — «не допустить такой власти, которая бы решительно пресекала крамолу в элите. Более того, заклеймив террор Грозного и его опричнину, связав его с террором Сталина в некотором клише «злодея на троне», им важно не допустить даже самой мысли о такой власти. Блокируя развитие, загноившаяся система стремится блокировать и сами воспоминания о хирургических решениях, способных положить ей конец».

Одним из главных объектов моральной дискредитации выступает А.М. Курбский. Конечно, князь Андрей отнюдь не являл собой венец добродетелей, он совершал множество прискорбных поступков, достойных осуждения, впрочем, свойственных тому времени. Однако критика деспотии Грозного стоит особняком в его биографии и традиционно расценивается историками как гражданское деяние высокой пробы. Между тем, именно Курбский вызывает особое внимание т.н. «патриотической» публицистики. Дискредитация проходит по стандартной схеме: критик Грозного развенчивается как связанный с Западом (предатель), ставится в общий ряд с известными фигурами русской истории (он как Власов, «хуже Власова», выступает как «голос Америки времен холодной войны»). Читатель, таким образом, подводится к мысли о том, что, по причине идеологической ангажированности и зависимости от врагов России, его разоблачения на веру принимать нельзя.

Современные ученые и «мастера культуры», подвергающие критике деятельность царя, в своих бесконечных и злобных нападках только подтверждают жертвенную природу личности Грозного. Эти группы также дискредитируются как «ненавистники самодержавия»

(поэтому подаются как естественные союзники «олигархов»), «русофобы», имеющие интересы на Западе. Так, известный историк, политолог и публицист А.Л. Янов, проживающий в самом центре русофобского мира – США, в своей «писанине» «источает» «яд», выносит «парадоксальные суждения» об отсутствии какой-то инаковости, особости России и о близости её к другим странам, к примеру, европейским («при всех отклонениях Россия в конечном счете такая же ветвь европейской цивилизации, как и США»), он «смеет» называть «русское самодержавие «самоуничтожением России». Вполне понятной становится и тактика А. Янова, направленная на выдвижение псевдогероев русской истории, бояр-предателей. Таковым В. Аверьянову представляется Михаил Салтыков – «одиозный антиидеал русской государственности», смутьян, корыстолюбец и «изменник»: «Тот самый Салтыков, которому король Сигизмунд в самый разгар Смуты пожаловал богатейшие русские волости… служил Тушинскому вору и состоял в кружке «изменников» при польском воеводе Госневском. … издевался над святым Патриархом Ермогеном, вдохновителем народной борьбы со Смутой…». В конечном счете, понятна стратегическая линия, с которой «…никто лучше Янова не смог бы» справиться – «… продемонстрировать антисамодержавную, антиправославную, антиавтохтонную линию русской (=антирусской) историографии».

Связь с Западом как один из главных пороков исследовательской мысли, отягчающий вину, прослеживается и в неспособности опереться на правильную цивилизационную концепцию мировой истории, вместо которой предлагается устаревшая универсалистская её модель, питающаяся идеями Г. Гегеля и К. Маркса. Эти ученые хотят вычеркнуть «особую» российскую «цивилизацию-материк» из книги истории путем выявления единства судьбы народов, общих черт развития, их близости, социальной, политической и нравственной. Политический строй России получает «западные» определения («авторитарный», «тиранический» и т.п.), а в России нужно писать «собственное обществоведение», общие критерии для нее не подходят.

Дискурс дискредитации творческой интеллигенции выстраивается на тех же упреках в «русофобии», некомпетентности, бесталанности, корыстолюбии, связях Западом и т.д. Один из наиболее часто упоминаемых в «патриотической» публицистике – автор фильма «Царь», «косноязычный» и «банальный» Павел Лунгин. Он распространяет «стереотипы» «… о кровавом наследии России, в котором представления об Иоанне Грозном и Сталине, об опричнине и НКВД слипаются в образ опасности, постоянно возрождающейся в России, а потому подлежащей искоренению России». Подобного рода трактовка этой связи имплементируется как недопустимая, как «русофобия» и «оприч-но-фобия».

Общий взгляд на творчество П. Лунгина позволяет В. Аверьянову сделать вывод о том, что создание режиссером антиопричного фильма вовсе не случайность. «Обласканный на Западе» Лунгин постоянно «… воспроизводит одну и ту же тему русской жизни как абсурдной клоунады: столкновение жлоба с непризнанным гением («Такси-блюз»), конфликт тупого быдла с просветленным еврейским шалопаем («Луна-парк»), Россия как скопление трагикомических рыл, без единого человеческого лица («Свадьба»), глумливые шуточки по поводу убийства комиссарами Царской семьи («Бедные родственники») и т. д.». Даже фильм «Остров» лишь имитация «духовного кино». Кроме того, П. Лунгину не хватает понимания эпохи «… ни в «Острове», ни тем паче в «Царе» так и не поднялся до православного юродства (на которое был так богат XVI век). Да и не мог подняться». Но самое главное – ему не хватает «масштаба таланта», «образы слабые», им свойственна «неубедительность и бледность», эпизоды «искусственно «пришиты»», поэтому фильм «… представляет собой бледное и постыдное явление на фоне фундаментального «Ивана Грозного» Сергея Эйзенштейна».

«Не разобрался» П. Лунгин и с конфликтом Иоанна Грозного и митрополита Филиппа. По мнению В. Аверьянова, «Нельзя считать доказанным, что сведенный с митрополии и заточенный в монастырь владыка был задушен по приказу царя. Многие историки (автор не уточняет их фамилии – В.М.) склоняются к тому, что такого быть не могло…». Пытаясь «приписать царю вину», П. Лунгин также продолжает традицию «злобных наветов» на царя, к примеру, патриарха Никона. Никон «в своей антигрозненской авантюре», «политической игре» «очернял» царя, его поступки «преподносил в неверном свете» с очевидным корыстным умыслом. Его целью было покушение на самодержавное устройство России, а «Филипп привлекал Никона тем, что не побоялся воспротивиться царю и напомнил ему о праве Церкви выносить приговор светским правителям». Таким образом, Никон становится в один ряд с боярами, как сторонник олигархата и хаоса. Для того чтобы версия о невиновности Грозного в убийстве Филиппа Колычева звучала убедительней, приводится «альтернативное» мнение «ученого» «митрополита Иоанна (Снычева), считающего, что «…владыку погубили не царь с Малютой Скуратовым, а новгородские заговорщики, видя в нем опасного свидетеля в «новгородском деле», мученик пострадал «… по всей видимости, не от опричнины, а от крамолы». Читатель подводится к той мысли, что и Павел Лунгин, в совою очередь, также использует «мученика Филиппа» в политических играх и «провокациях», выставляя последнего чуть ли не «диссидентом» («шестидесятником» - крайняя форма подрывной деятельности), а значит «антигосударственником». Эта позиция также

развенчивается: «Второе мученичество Филиппа — посмертное — связано с тем, что его использовали в политических играх, пытаясь подчинить государство церкви, столкнуть их (а такое может вести только к расколам страны и веры)».

Наконец, последним звеном, связывающим и П. Лунгина, и Никона, и других недоброжелателей России в одну цепь, становятся все те же «бояре». П. Лунгин, как и Никон, работают на одного «заказчика», на «плутократию», «… которая в глубине души страшится опричнины, не понимает и не приемлет тех сил, которые вызвали ее к жизни в XVI веке и могут вызвать теперь».

Наконец, третье лицо «русофобской» троицы – писатель Владимир Сорокин, автор другого примера «… борьбы с опричной идеей» - романа «День опричника». Ему так же свойственна ненависть к опричнине и Ивану Грозному, которого романист считает шизофреником «параноидального типа», развязавшим «гражданскую войну». Дискредитация В. Сорокина ведется по нескольким направлениям. Отрицательное отношение к царю Ивану – патриоту и великому государственному деятелю, само по себе уже несет элемент саморазоблачения и может иметь, к примеру, психологическую мотивировку («Через свою «литературу» Сорокин, по собственному признанию, стремился избавиться от личных психологических проблем»), вероятно, поэтому он заложил в сюжет «тяжелые извращения». Очевидна и творческая неудача В. Сорокина: изображение «… вопреки желанию автора, на уровне «письма» способен вызвать к опричникам скорее симпатию, нежели антипатию».

Ценностно-идеологическая дискредитация направлена на встраивание Сорокина в один ряд с «перестроечными» «разрушителями» государства. Так, беллетрист показывает своих «… новых опричников в стиле перестроечных трактовок «кровавого разгула» НКВД». Ирония в отношении подобного рода формулировок («”кровавого разгула” НКВД»), по мысли В. Аверьянова, должна, вероятно, опровергнуть оба черных мифа, ведь «перестройка» сама по себе – эпоха «смуты», власти «олигархата» и наибольшего сближения с Западом. Отчетливый западный след, который вполне можно трактовать как коммерческий интерес и зависимость, у автора «Голубого сала» был найден. Именно «благодаря вниманию западных издателей в 80-е годы, Сорокин был извлечен на свет божий и превратился в одного из литературных гуру постсоветской действительности». Видимо, для не совсем догадливого читателя В. Аверьянов напоминает, что «… все трое — Янов, Сорокин, Лунгин — в особых сентиментально-интимных отношениях с западными странами и в особых патологических «контрах» с Россией». Соединяя все дискредитирующие «факты» в одну причинно-следственную цепь, читателю, вероятно, предлагается сделать вывод, что адекватными эти

оценки, проникнутые негодованием по отношению к палачам («государственным деятелям»), считаться не могут.

Связь с Западом порочна не только в силу идеологической и нравственной (обслуживание чужих, враждебных интересов) ангажированности. Мотив связи с Западом как компрометирующая деталь используется и в вопросах источниковедческих. Какие источники можно считать достоверными, а какие отбросить как ненадежные или лживые? Верный выбор отличает профессиональный и дилетантский походы. Именно в некомпетентности и обвиняются «враги Иоанна». Грозный становиться жертвой предубеждений и сознательной лжи «иностранцев-шпионов», которые становятся основными «поставщиками» «фактов» для исторических исследований: «… значительное большинство наиболее вопиющих «фактов», обличающих Грозного, заимствованы из мемуаров и записок шпионов враждебных России государств либо западных пропагандистов времен Ливонской войны». Важны и ссылки на авторитет (С.Ф. Платонов): «В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять ее за объективный исторический источник. В.Б. Кобрин также признает, что сведения об Иоанне Грозном, передаваемые иностранцами, напоминают игру в «испорченный телефон»… … «Историю о великом князе Московском» Пушкин характеризовал как «озлобленную летопись»». «Авторитетом» может стать и «остроумный интернет-пользователь», который сравнивает послания Курбского с «… вещанием радио «Свобода» времен холодной войны» (Прим.1). В данном случае линия дискредитации разворачивается следующим образом: информации нельзя доверять либо в силу заведомого искажения реальности, либо в силу непонимания иностранцами русской жизни.

Еще одним элементом жертвенного дискурса, легитимирующим жесткие методы руководства, является ссылка на особые исторические обстоятельства. Грозный якобы руководит страной в особо сложное время: природно-климатические, эпидемиологические, демографические факторы («два неурожайных года… чума… военная катастрофа… демографическое Сжатие»). Последняя номинация, по сути, маскирует процесс вымирания (обезлюдивания, запустения) грозненской России. В немалой степени этому способствовала «налоговая политика», которая, как оговаривается В. Аверьянов, была «вынужденной». Налоги шли на противостояние с многочисленными противниками, «войну на три фронта» с Ливонией, Швецией и крымским ханом.

Еще одна особенность дискурса представления Грозного как

жертвы и вместе с этим легитимации насилия – создание сверхдинамического образа времени. Хронотоп эпохи характеризуется геополитической лексикой и лексикой с семантикой необычайной, почти взрывной быстроты происходящих событий и процессов. Сама эпоха «век глобальных сдвигов (Реформация в Европе, начало освоения Америки, инновационный взрыв, увеличивавший технические возможности передовых держав, возрастание мощи и влияния Турции» торопит царя. Естественно, ему «Необходимо было не задерживаться в этом состоянии, а переходить к новому…» и т.п. При этом скорость событий сочетается с мотивами борьбы, смертельного геополитического состязания: нужно успеть «занять новую историко-геополитическую нишу, выработать способность государства к упреждающим реакциям на угрозы, к перехвату инициативы. Нужно было подкрепить проведение структурной, юридической и административной реформы качественно новой материальной и кадровой базой…» (Прим.2). Другими словами, само время, как объективная категория, ставит особые задачи, решение которых рассматривается, в том числе, сквозь сетку медицинских понятий. Терапевтические методы (в социальной терминологии: мирные методы социального взаимодействия, переговорный процесс, учитывающий разнообразные интересы, выстраивание баланса интересов и т.п.) не подходят, значит нужно применять целебные и спасительные для пациента «хирургические методы» (в социальных понятиях – политику энклюзии (социального исключения «преграды», то есть устранения (ампутации) человека), террористические практики: бессудные пытки, высылки, казни, лишение имущества, другие практики запугивания).

Дискурс жертвенности распространяется, в том числе, и на результаты «деяний» царя Ивана. Нерадивые «преемники» (за некоторым исключением) то временно сворачивают «реализацию замысла», а то и «перечеркивают» достижения Грозного, ввергая страну в пучину Смутных времен, отбрасывающих «страну в до-опричные времена».

Подведем краткий итог. В отечественной историографии и публицистике в отношении оценки личности и деятельности Ивана Грозного сформировалось две противоположные парадигмы: либерально-демократическая, ставящая во главу угла ценности личности, её достоинства, прав и свобод, и государственно-патриотическая, отстаивающая права верховного центра распоряжаться жизнями граждан по своему усмотрению. В рамках второго направления разработана целая система дискурсов, оправдывающих бесчинства царской власти в отношении подданных. Среди этих дискурсов выделяются дискурс гуманизации образа грозного царя, демонстрирующий его положительные человеческие

качества характера (доброту, терпение и пр.), а также жертвенный дискурс, изображающий Грозного жертвой исторических обстоятельств, заложником эпохи и объектом нападок «русофобов». Кроме того, дискурс включает в себя локальные дискурсы дискредитации критиков политики террора и запугивания.

Примечания:

1. Подразумевается, видимо, что радио «Свобода» (сегодня «иностранный агент») и её корреспонденты (В. Буковский, В. Аксёнов, П. Вайль, В. Войнович, А. Галич, А. Генис, А. Гладилин, С. Довлатов, А. Кузнецов, В. Некрасов, А. Синявскиий, А. Солженицын, Л. Алексеева и др.) врали о систематических нарушениях прав человека, отсутствии базовых политических прав, полицейском произволе, репрессиях, карательной медицине, войне в Афганистане, тоталитарных политических режимах и о многом другом?
2. К слову, столь высокая «скорость» эпохи не помешала Ивану денно и нощно молиться, лично участвовать в массовых казнях и присутствовать на процедурах пытки своих жертв, месяцами сидеть в Александровой слободе перед введением опричнины, шесть или семь раз жениться, разводиться и постригать некоторых жен в монахини, наконец, устраивать бесконечные пиры, проводить церемонии и т.п.

Список литературы:

Аверьянов В.В. Империя и воля. Догнать самих себя / В. В. Аверьянов — «Книжный мир», 2014. Режим доступа: // https://royallib.com/book/averyanov_vitaliy/imperiya_i_volya_dognat_samih_sebya.html (дата обращения: 08.08.2020).

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Володихин Д.М. Историческая память об Иване Грозном // Культурологический журнал 2017/2(28). Режим доступа: // http://cr-journal.ru/rus/journals/408.html&j_id=31 (дата обращения: 10.08.2020).

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. Режим доступа: // https://libking.ru/books/nonf-/nonfiction/524415-nikolay-karamzin-istoriya-gosudarstva-rossiyskogo.html (дата обращения: 15.08.2020).

Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990, - 624 с.

Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и Т.6. История России с древнейших времен / Отв. Ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1989. – 783 с.

Сталин об Иване Грозном. Запись беседы с С.М. Эйзенштейном и Н.К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 года. Режим доступа: http://www.cprfspb.ru/3665.html (дата обращения: 10.08.2020).

Меринов Валерий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород), *merinov@bsu.edu.ru*